

УДК 351.7:159.9

DOI 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.102-109

АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ СУХОВ,
доктор психологических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации,
заведующий кафедрой социальной психологии и социальной работы,
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: a.suhov@365.rsu.edu.ru

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БЕЗОПАСНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП

Для цитирования

Сухов, А. Н. Социально-психологический анализ безопасности различных групп / А. Н. Сухов // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30(1–4), № 1. – С. 102–109. – DOI : 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.102-109.

Аннотация. В статье раскрывается актуальность исследования проблемы, связанной с безопасностью группы, а также сущность социально-психологического подхода к ее пониманию, рассматриваются внешние и внутренние угрозы группы. Безопасность положительных групп базируется на открытой системе общения, доверии, симпатии, уверенности в поддержке, нормальных ценностях и целях, безопасность отрицательных и криминальных групп – на противоположных явлениях. Их безопасность – это криминальная безопасность. В силу этого данное понятие нельзя путать с антикриминальной безопасностью нормальных, положительных с точки зрения морали и закона групп. В статье анализируется практика преодоления данных угроз в целях обеспечения безопасности различных видов группы. Без этого невозможно вести речь об эффективном обеспечении безопасности группы.

Ключевые слова: безопасность, антикриминальная группа, криминальная группа, норма, ценности, традиционные и современные средства криминогенного общения.

Введение

Социально-психологический подход к пониманию различных видов безопасности, в том числе группы, позволяет: 1) сформулировать понятие, структуру и стадии обеспечения безопасности; 2) выявить угрозы, влияющие на уровень безопасности; 3) проанализировать и определить механизм воздействия внешних и внутренних угроз; 4) обосновать социально-психологические технологии обеспечения безопасности.

© Сухов А. Н., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

На основании этого можно сказать, что безопасность – это система действий субъектов путем использования различных средств и технологий в целях выявления (диагностирования), идентификации и ликвидации внешних и внутренних угроз, представляющих собой деструктивное воздействие на объекты безопасности в целях обеспечения их надежного функционирования или сохранения на основе минимализации рисков для них. При этом следует иметь в виду, что группа может выступать в качестве как субъекта, так и объекта безопасности. Актуальность данной проблемы определяется последствиями антикриминальной и криминальной безопасности различных неформальных групп. Если в первом случае они носят явно позитивный характер, то во втором – наоборот [4, 14].

Результаты исследования

Анализ угроз безопасности группы позволяет дать их адекватную характеристику. Так, групповая безопасность во многом зависит от норм неформальных групп. Позитивные нормы, социальные ценности определяют их безопасность, во всяком случае для других, деструктивные – напротив. Что касается внутригрупповой безопасности, то она во многом представляет собой копию организационной безопасности в миниатюре на неформальной основе. Безопасность положительных групп базируется на открытой системе общения, доверии, симпатии, уверенности в поддержке, нормальных ценностях и целях, безопасность отрицательных и криминальных группировок – на противоположных явлениях. В основе внутригрупповой безопасности криминальных групп лежат соответствующие нормы: «воровские» законы, правила, которые, в свою очередь, реализуются с помощью системы криминогенного общения, занятия манипулятивной деятельностью, нелегальной запрещенной игрой, «теневым» бизнесом, вымогательством, мошенничеством и т. д. Их безопасность – это криминальная безопасность. При этом не последнюю роль играет так называемое крышевание. Данное понятие нельзя путать с антикриминальной безопасностью нормальных, положительных с точки зрения морали и закона групп.

Следует отметить, что понятие «антикриминальная безопасность» более точное по сравнению с понятием «криминальная безопасность». Оно означает защиту от криминальных угроз, а также безопасность сотрудников, осуществляющих эту деятельность. Что касается понятия «криминальная безопасность», то оно многозначно и аморфно. Его можно даже трактовать как противоположное явление, как защиту криминального мира. Тем не менее это широко употребляемое, часто используемое понятие.

Согласно общепринятому определению группа – это двое или более лиц, которые особым образом взаимодействуют друг с другом, осознают свою принадлежность к группе и воспринимаются другими как члены данной группы. Неформальная группа – это малая группа. Она, как правило, состоит из нескольких членов, и их поведение строится в соответствии с «неписаными» законами, нормами и правилами. Правда, в отношении размеров, то есть верхней границы неформальных групп, следует сделать существенное уточнение. Обычно они начинаются с объединения от 3 и более лиц, но группа может достигать и больших размеров: от нескольких десятков до нескольких тысяч членов, имея не локальный, а сетевой организованный характер. Иначе говоря, группы могут иметь разветвленную структуру и повторяться в различных регионах, организациях и т. п.

Существует подход к классификации неформальных групп, основанный на учете их направленности. С точки зрения этого подхода выделяют группы положительной, неустойчивой и отрицательной направленности, а также преступные группы, которые, в

свою очередь, подразделяются на организованные преступные группы и банды. Размеры организованных преступных групп иногда достигают транснациональных масштабов.

Положительные неформальные группы образуются на основе симпатии, совпадения интересов, землячества. Они возникают добровольно, а криминальные, например группы наркоманов, – по принуждению. Конфликты в положительных группах, как правило, носят конструктивный характер, так как связаны с открытым и ненасильственным характером обсуждения и решения проблем. Они возникают и в момент, и после образования подобных групп по различным поводам. Структура неформальных групп характеризуется рядом параметров: количественным составом, ролевой структурой, причинами образования, системой общения, нормами поведения и санкциями за их нарушение, устойчивостью группы, временем существования, сплоченностью, положением среди других групп.

Безопасность неформальных групп в основном связана с их нормами, позитивной активностью. Ценности выступают как регуляторы социального поведения личности и группы. Сами по себе ценности разделяются на два класса: терминальные, представляющие собой критерии выбора цели и способов ее достижения, и инструментальные – критерии, стандарты оценки модуса поведения. В основе групповых норм лежат социальные ценности, представления, которые разделяются членами группы. Если эти ценности позитивны, то и нормы групп соответственно положительны. Данное обстоятельство определяет безопасный тип группы, что находит свое выражение в позитивной активности групп.

Исследования нормативного поведения в социальной психологии носят разнородный и обширный характер. Позитивная активность молодежных групп проявляется в различных формах, в том числе в конструктивных конфликтах. Данный вид активности проявляется в конструктивных конфликтах со стороны известных молодежных групп. Однако иногда трудно провести границу между конструктивными групповыми конфликтами и радикальными формами их проявления. Отсутствие четких критериев разграничения между этими явлениями порождает разногласия в оценке конструктивных групповых конфликтов и радикальных форм их проявления, то есть неоднозначную интерпретацию. Примеры на этот счет известны. Они получили широкий резонанс.

Групповые деструктивные конфликты складываются из внутригрупповых и межгрупповых. Они возникают и проявляются во всех без исключения группах, но чаще всего в преступных (в основном они изложены в нашей статье «Безопасность группы: антикриминальный и криминальный аспекты» // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 314–3318). В данном случае наблюдается парадоксальная ситуация. Если для положительных малых неформальных групп позитивные факторы воспринимаются адекватно: положительное влияние расценивается как помощь, как усиление их безопасности, а негативные – как угроза, то для отрицательных и криминальных групп внимание правоохранительных органов воспринимается как угроза их безопасности, за исключением случаев так называемого крышевания.

В вопросе классификации преступных групп также отсутствует единство. Согласно уголовно-правовой теории и практике выделяют организованные преступные группы, банды и т. д. Однако на сегодняшний день нет общепринятой, непротиворечивой классификации преступных групп. Более того, в литературе встречаются такие понятия, как «преступная группа», «преступная группировка», «преступное сообщество» и пр. Структурными характеристиками преступной группы являются: количественный состав, причины возникновения, статусно-ролевая структура (каждый член группы выполняет

определенную роль и занимает тот или иной статус); система общения (в основном криминогенного), то есть внутригрупповых связей (каналов, мест и времени «сходок», специальных средств, способов маскировки целей и действий); характер норм и «санкций» в случае отклонения от этих норм; положение данной группы среди других.

Структура организованного преступного сообщества включает в себя элитную группу, мозговой центр, систему связей, службы безопасности, разведки, контрразведки, боевиков. Во всяком случае, большинство изобличенных преступных групп функционировало по схеме. Данная структура нацелена на обеспечение так называемой групповой безопасности криминальных групп путем вербовки нужных лиц, проверки новых членов, лояльности, соблюдения конспирации, секретов, тайны деятельности и т. д. [10].

В основе криминальной безопасности групп лежит криминальная модель достижения успеха, которая неосуществима без создания законспирированной преступной организации, а та – без традиционных и современных средств криминогенного общения. С точки зрения социальной психологии в качестве основного механизма приготовления и совершения преступлений выступает криминогенное общение, которое осуществляется с помощью специальных средств. К традиционным средствам криминогенного общения относятся: жаргон, татуировки, тайнопись и др., к современным средствам – шифрование информационных сообщений с помощью математических методов преобразования информации и т. д.

Внутренняя безопасность криминальных групп во многом зависит от знаний и умений владения их членами современными средствами криминогенного общения. Необходимость маскировки преступной деятельности, страх и боязнь разоблачения, стремление правонарушителей уйти от ответственности приводят к созданию специальной системы общения, его криминальной деформации. С помощью общения происходят обмен преступным опытом, подготовка, маскировка и совершение преступлений путем психического (информационного) насилия. К числу признаков криминальной деформации общения относятся условные средства связи. Они основаны на взаимной договоренности определенного круга участников общения о системе кодирования и декодирования (ключе) и технологии маскировки знаков, выступающих в качестве только им понятного способа передачи информации.

Условные средства общения имеют знаковую природу. Любой знак может быть использован для передачи сообщений: цветы на подоконнике, черта на столбе, нанесенная губной помадой, и т. п. Нужно только договориться, что это значит. Условные средства общения – это своеобразный способ ухода субъекта от ответственности за подготовку и успешное совершение антиобщественных действий. Попытка уйти от ответственности достигается с помощью условных средств общения в целях сокрытия преступных действий.

Во многих случаях условные средства общения используются для достижения эффекта внезапности, создания дефицита времени для объекта и тем самым неотвратимости осуществления преступных целей и действий. О степени владения осужденными средствами условного общения следует судить не только по частоте их употребления, но и по знанию значения данных средств, умению кодировать, декодировать, а также незаметно передавать (конспирировать). В качестве условных средств общения осужденные используют вербальные и невербальные средства.

К вербальным средствам общения относится жаргон («блатная феня»), а к невербальным – татуировки, информация, передаваемая по коду (перестукивание через каналы и отопительные системы), книгам, свист, условные жесты, позы, средства

тайнописи. Чаще всего используют жесты рук, жаргон, особенности голоса и тайнопись. Традиционные средства криминогенного общения связаны с особенностями тайного общения, в том числе с уголовным жаргоном, блатной музыкой, условными звуковыми сигналами, аудиовизуальным тайным общением, особенностями тайного письменного общения, техническими средствами и пр. [9].

К сожалению, модернизация коснулась и средств криминогенного общения, в том числе в среде осужденных. Если традиционные средства криминогенного общения использовались для реализации задач прежде всего в формате общеуголовной преступности, то в настоящее время ситуация изменилась. Традиционные средства криминогенного общения подверглись трансформации. Известно, что традиционные средства криминогенного общения претерпели существенные изменения, хотя пользоваться ими не перестали. Имеется в виду шифрованная переписка с помощью книг, тайнописи и пр.

Как известно, для подготовки криминогенных ситуаций часто используются средства тайнописи, начиная от симпатических (невидимых) чернил и кончая шифрованной перепиской с помощью различных технологий. Однако на смену традиционным пришли современные средства криминогенного общения. Речь идет о шифровании информационных сообщений с помощью математических методов преобразования информации, передачи информации через специальные интернет-каналы. Такое происходит не только на свободе, но и в условиях исправительных учреждений при обмене информацией. Современные средства криминогенного общения привели к росту возможностей криминального мира. Имеются в виду хакерские атаки по съему денег со счетов, подготовка террористических актов с помощью интернет-технологий, то есть закрытых каналов связи, операции с криптовалютой, мошенничество в рамках цифрового учета недвижимости, рейдерство, взлом базы данных, тотальный электронно-информационный контроль, что по своим последствиям тяжелее изоляционной деформации, и пр.

Современное криминогенное общение – это особый вид общения, который используется для подготовки, конспирации и совершения преступлений на более профессиональном уровне. Оно выполняет те же специфические функции, что и раньше, но их возможности значительно возросли. Как уже отмечалось, модернизация затронула как вербальные, так и невербальные средства криминогенного общения. Речь идет о передаче разговорной речи через каналы, доступ к которым крайне ограничен и возможен только при наличии ключа. На этом примеры не заканчиваются. В части невербальных средств имеются в виду возможности шифрования сообщений с помощью криптографии.

Коммуникативно-атрибутивная функция позволяет производить прием и передачу сообщений, необходимых для подготовки, совершения и конспирации преступлений на современной профессиональной основе. При этом прием и передача сообщений происходит с помощью не только традиционных, но и модернизированных специальных средств. Как известно, они представляют собой знаковую систему, которая имеет конвенциональную природу на основе взаимной договоренности определенного круга участников общения о системе кодирования, декодирования и технологии маскировки знаков, выступающих в качестве только им одним понятного способа передачи информации. К числу современных специальных средств общения относится передача шифрованных сообщений с помощью математических методов преобразования информации, интернет-технологий и т. п. Цифровизация сказала свое слово и здесь [13].

Организованные преступные группы в основном занимаются преступным бизнесом в форме рэкета, проституции, контрабанды наркотиков, азартных игр. Групповые деструктивные конфликты определяются групповыми нормами. В каждой групповой

норме можно выделить требование, как поступать: не выдавать тайн сообщества, не доносить на «своих», не надевать «чужого» белья, соприкасавшегося с открытым телом другого человека; не заниматься преступным промыслом на «чужой» территории; социальные ожидания (надежду группы, что человек выполнит предписание группы) и санкции (групповое одобрение за точное выполнение предписаний, наказание – за нарушения запретов).

Криминальная субкультура включает в себя ценности, законы, правила, реализуемые в групповой криминальной деятельности (знания, умения, профессионально-преступные навыки и привычки, этические взгляды, эстетические потребности, мировоззрение, формы и способы обогащения, способы разрешения конфликтов, управления преступными сообществами, криминальную мифологию, привилегии для «элиты», предпочтения, вкусы и способы проведения досуга, формы отношений к «своим», «чужим», лицам противоположного пола и т. п.), предметные результаты деятельности преступных сообществ (орудия и способы совершения преступлений, материальные ценности, денежные средства и т. п.). Все это находит отражение в особой философии, своеобразной идеологии уголовного мира, оправдывающей совершение преступлений, отрицающей вину и ответственность за содеянное, заменяющей низменные побуждения благородными и возвышенными мотивами: в насильственных преступлениях – чувством коллективизма, товарищеской взаимопомощи, обвинением жертвы; в корыстных преступлениях – идеей перераспределения имеющейся у людей собственности и ее присвоения с самой разнообразной «позитивной» мотивацией. Как видно, все это имеет самое непосредственное отношение к деформации социальных представлений о механизме достижения успеха, а главное, меняет содержание понятия «карьера» на понятие «криминальный профессионализм».

«Воровские» ценности или законы прошли длительную апробацию в жизни преступных сообществ, постоянно совершенствовались и шлифовались. Они приемлемы своей стабильностью, определенностью и четкостью моральных требований, правил продвижения в групповой иерархии [2, 3, 5]. «Воровские» законы не окостенели, они постоянно совершенствуются представителями «воровской» элиты с учетом социальных процессов в обществе, предпринимаемых правоохранительными органами мер, издаваемых законов. При этом «авторитеты» воровского мира учитывают при модернизации запросы и потребности современной молодежи, ее психологии. В этом и состоит сущность их модернизации. Конкуренция среди молодежных групп резко ужесточилась.

«Крутизну» как модель поведения используют те, которые испытывают серьезные трудности в области самореализации, достижения успеха. В данном случае речь идет о молодежных группах и в первую очередь о так называемых группах из числа неблагополучных подростков. Те, у кого ничтожно мало шансов на успех, рассматриваются как потенциальные участники цветных революций. Они легко поддаются обработке. Достаточно пообещать, что после победы они получают шанс на успех, то, о чем все время страстно мечтали. Они готовы действовать по команде в нужное время и в нужном месте. Их портрет, модель поведения вполне подходят для роли активного участника огненного шоу. Недостатка в примерах на этот счет нет, скорее наоборот. В ряде стран абсолютно все так и было. После того, когда заканчиваются цветные революции, о героях забывают. Революции у них просто-напросто крадут. При этом работу с молодежью следует проводить не только на личностном, но и, главным образом, на групповом уровне. Именно они требуют внимания к себе и поддержки.

Другого отношения заслуживают криминальные группировки. Их нужно разобщать, развенчивать их лидеров. В большинстве стран мира не наблюдается сокращения коли-

чества малолетних преступников. За последние 5 лет доля преступлений, совершаемых в Европе несовершеннолетними, возросла с 40 до 70 %. Не лучше положение в США.

Безопасность малых неформальных групп складывается не только из работы и поддержки положительных, но и из методов разобщения отрицательных и криминальных групп с помощью управляемых конфликтов, а также «развенчания и самоосуждения» лидеров последних. Развенчание лидеров является одним из методов разобщения криминальных групп и обеспечения антикриминальной безопасности. На этот счет накоплен немалый опыт [10, 14].

Проблема безопасности неформальных групп не менее актуальна и в условиях исправительных учреждений. Осужденных вынуждают объединяться в группы последствия не только изоляционной, но и, главным образом, нравственной и криминальной деформации общения в их среде. Положительная часть осужденных, осознавая угрозу, исходящую от среды, пытается, объединившись в группы, нейтрализовать ее, защитить себя от посягательств, а отрицательная – стремится выгодно, комфортно устроиться в условиях изоляции, тем самым уменьшить или свести на нет последствия наказания. В данном случае сознательно используется организующая роль общения, с помощью которого формируются цели и мотивы, ролевая структура и нормы поведения групп.

Отрицательные группы осужденных преследуют конфликтогенные, то есть корыстные и насильственные, цели: 1) противодействовать администрации; 2) не участвовать в работе самодеятельных организаций; 3) занимать высокое положение в среде исправительного учреждения, чтобы, не работая, жить за счет других и извлекать нетрудовые доходы; 4) заниматься сексуальными извращениями, насилием и т. п. (эти действия могут проявляться как в открытой, так и в скрытой форме). Малые группы осужденных молодежного возраста стараются не маскировать и не скрывать своих целей. В то же время антиобщественные цели часто скрываются под внешней маской общественной активности и лояльности [2].

Выводы

Таким образом, проблема антикриминальной безопасности положительных групп должна стоять в центре внимания не только правоохранительных органов, но и других структур, в том числе общественных, связанных с волонтерской деятельностью, реализацией молодежной политики. Что касается криминальной безопасности групп, то она связана с методами разобщения отрицательных и криминальных групп, а также развенчания и самоосуждения лидеров последних и пресечения их крышевания со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Библиографический список

1. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М. : МГУ, 1990. 239 с.
2. Антонян Ю. М. Особо опасные лидеры в ИТУ и воспитательное воздействие на них. М. : ВНИИ МВД СССР, 1989. 78 с.
3. Башкатов И. П. Психология неформальных подростково-молодежных групп. М. : Информпечать, 2000. 334 с.
4. Волков И. П. Социальная психология малых групп и коллективов : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Л., 1978. 31 с.
5. Гуров А. И. Профессиональная преступность. Прошлое и современность. М. : Юрид. лит., 1990. 304 с.

-
6. Десев Л. Психология малых групп: социальные иллюзии и проблемы. М. : Прогресс, 1979. 208 с.
 7. Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. Психология малой группы. М. : МГУ, 1991. 205 с.
 8. Монахов В. И. Группировки воров-рецидивистов и некоторые вопросы борьбы с ними. М. : Изд-во политотдела ГУ ИТК МВД СССР, 1957. 79 с.
 9. Сухов А. Н. Психология криминогенного общения в среде осужденных : учеб. пособие. Рязань : РВШ МВД РФ, 1993. 133 с.
 10. Сухов А. Н. Социальная психология организованной преступности : монография. М. : Юнити, 2017. 158 с.
 11. Сухов А. Н. Реальная социальная психология : учеб. пособие. М. : Московский психолого-социальный институт, 2004. 351 с.
 12. Сухов А. Н. Социальная психология безопасности : учеб. пособие. 2-е изд. М. : Academia, 2005. 249 с.
 13. Сухов А. Н. Традиционные и современные средства криминогенного общения // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 267–272.
 14. Сухов А. Н. Социальная психология преступности : учеб. пособие. М. : Моск. психол.-соц. ун-т, 2007. 568 с.